

Лекция 2 киноклуба "Берега"

Тема: Проблемы экранизации классических литературных произведений. Виды экранизаций.

Экранизация и её виды

Экранизация – это образ литературного первоисточника (а не копия и не отпечаток). Если при создании оригинального произведения автор использует свой образ, то в экранизации он использует образ литературного произведения.

Основные виды:

1. Пересказ, иллюстрация. Авторы не вторгаются в образный строй лит. Произведения, а просто приспособливают его для кино (сокращая диалоги, монологи и т.п. Этот способ малоуспешен и приводит к неплохим результатам только если создается многосерийный фильм - т.е. чтение произведения глава за главой, почти без сокращений.
2. Новое прочтение (новая трактовка) – по мотивам... на основе... Здесь происходит резко вторжение в структуру произведения (путем «осовременивания», путем смены места действия, путем перевода в другой вид сюжета (Пролетая над гнездом кукушки). В таких экранизациях авторы не заботятся о выражения духа произведения. Они используют литературное произведение в основном как материал (интересная фабула и т.д.)
3. Переложения. Здесь автор пытается выразить всю суть, дух и стиль произведения кинематографическими средствами (в фильме та же тема, идея, конфликт, но они в отличие от п.1 выражены средствами кинематографа, а не просто приспособлены и экранизированы. Это самый сложный и достойный вид экранизации – особенно по отношению к классике, т.к. при её экранизации возникают нравственные проблемы.

ТЕМА И ИДЕЯ ФИЛЬМА

Образ – это реальность, прочувствованная автором и воссозданная им художественными средствами.

Тема – это первоначальный момент развертывания автором своей идеи. Это первоначальный вопрос, который ставит автор перед собою и зрителями.

Идея – это образная мысль, лежащая в основе произведения, ответ на вопрос.

Идея – это ответ на вопрос.

Тема – это вопрос, требующий ответа.

Идея – категория развивающаяся. Окончательная формулировка идеи произносится только в конце произведения. При определении идеи нельзя останавливаться на каком-то одном её этапе. Нельзя понимать идею однозначно.

4 ипостаси идеи:

1. идея – замысел
2. идея, воплощенная в законченном произведении (если мы вторгаемся, то искажаем ее... поэтому многие авторы не любят вопросов, о чем же их произведение... Лев Толстой на вопрос о том, какова главная идея «Анны Карениной» одной фразой, сказал: «Если бы это можно было сказать одной фразой, я бы и уместил это в одну фразу, а не писал огромный роман»)
3. идея, воспринятая зрителем
4. идея как главная мысль.

Виды идеи:

1. однозначная
2. амбивалентная

Олигархический фактор, говоря современным языком, проходит красной нитью через всю отечественную историю. Взаимоотношения между верховной властью и сановными тузами представляют собой достаточно сложный механизм. Меняются эпохи, трансформируются государственные форматы, однако притязания группировок, из коих комплектуется истеблишмент, остаются определяющими в политических раскладах. Привлекательным центром для значительной части российских верхов всегда являлся Запад, манящий прелестями олигархической вольницы. Для заряжённых туда "слуг народа" чаяния простых людей — это довольно абстрактная субстанция, к которой следует относиться чисто ритуально. Последние два с лишним десятилетия, прошедшие на наших глазах, наглядно иллюстрируют эту реальность. Однако сегодня кланы, расфасовавшие страну, испытывают определённую тревогу. Её причина — набирающий силу президентский курс, нацеленный на национализацию отечественных элит. Западный тренд, коему они с упоением следуют, явно пробуксовывает, уступая место патриотической волне. В этой ситуации олигархический реванш становится вполне осязаемым, нацеленным на восстановление нужного ему статус-кво. В нашей истории такое случалось не раз, а потому любопытно взглянуть, как это происходило ранее. Начнём с самого известного московского царя — Ивана Грозного, вступившего в противостояние с боярством, которое стремилось превратить страну в свою владетельную вотчину. Конфликт царя с окружением нарастал с начала Ливонской войны, постоянно омрачаясь переходами приближённых на сторону противника, то есть Польши. Наиболее известен побег князя Андрея Курбского в июне 1564 года. Хотя и до этого происходили не менее крупные измены. Так, Иван Бельский пытался бежать, для чего контактировал с администрацией Вильно и даже успел обзавестись королевской охранной грамотой. По той же причине

был арестован двоюродный брат Ивана IV князь Василий Глинский. Царский родственник обладал военными сведениями, знал о разговорах в боярской думе, его бегство могло доставить немало проблем. Череду предательств продолжил князь Дмитрий Вишневецкий: ему удалось добраться до короля, принявшего его как родного. В такой атмосфере эффективность боевых действий не могла быть высокой. На повестку дня встала задача очищения верхов от "верных слуг", что и вошло в историю как знаменитая опричнина. Гнев государя обратился на боярскую аристократию. Ведь та плела интриги, поддерживая связи с врагом, о чём свидетельствовали перехваченные письма польского короля к видным боярам. В них предлагалось схватить царя в ходе поездки по прифронтной полосе и доставить в Польшу. Реакцию Ивана Грозного на подобное понять, конечно, несложно. Его царствование — пример успешного противодействия олигархической угрозе, не потому ли этот монарх так невыигрышно запечатлён в анналах истории... Подобный имидж сопутствовал и императору Павлу I, чьё правление по своему духу чем-то напоминает времена Ивана Грозного, правда, с иным исходом. Внутренняя политика Павла также имела ярко выраженную антидворянскую направленность. Достаточно вспомнить веер указов, серьёзно осложнивших беззаботную жизнь сильных мира сего. Дворянство по-настоящему заставили служить, уклонявшихся приказано было предавать суду, уволенных со службы за проступки велено исключать из дворянских собраний, переход с военной стези на гражданскую ограничивался. Подача всевозможных жалоб для дворян могла происходить только с разрешения губернаторов. Зато в пику этому намечались заметные послабления крестьянскому сословию. Чего только стоит указ о трёхдневной барщине, вызвавший негодование и ярость помещичьих кругов. Кроме того, землепашцев освободили от ненавистной хлебной подати, им регулярно прощались недоимки. В свете этого отношение дворянской прослойки к Павлу I вполне определёнno. Заговор аристократии против императора и явился ответом на эту политическую линию. Известие о его смерти (официально — от апоплексического удара) вызвало у правящего класса с трудом сдерживаемое ликование, а клевета о Павле I отныне будет сопровождать любое упоминание о нём. Императорскую Россию можно назвать ареной серьёзных олигархических битв. Следует вспомнить Николая I, не избежавшего этих испытаний. Весомая часть его царствования прошла в жёстком противостоянии с командующим Черноморским флотом адмиралом Алексеем Грейгом. Семейный герб этого выходца из Шотландии украшал девиз: "ударяй метко". Однако ударял он большей частью не на военно-морских, а на коммерческих фронтах. Вокруг этого фактического хозяина Причерноморья сбились люди в офицерских и ге-

неральских мундирах, которые лишь прикрывали корыстное нутро, жаждавшее обогащения за государственный счёт. В этой толпе вояк выделялся начальник штаба, греческий уроженец контр-адмирал Критский, державший в руках бюджетные потоки, интендантские поставки. Однако не только он делил "заботы" по управлению обширным флотским хозяйством. Эту роль с успехом выполняла гражданская жена адмирала Грейга Юлия (Лея), с коей тот познакомился в ходе её визита по делам одесских купеческих поставщиков. Она являлась проводником интересов богатейших дельцов по фамилиям Серебряный и Рафаилович, вкупе с "хлебными королями" российского юга Гильковичем и Гальперсоном. В первой половине XIX века через черноморские порты шёл огромный экспортно-импортный грузопоток. Здесь процветали торговые дома, банкирские конторы, крутились большие капиталы. Этот лакомый кусок постепенно оказался под контролем предприимчивого адмирала, его подчинённых и любимой спутницы жизни. Они не ограничивались тотальным воровством при строительстве кораблей, их снабжении, а с энтузиазмом взяли на себя "бремя" покровительства контрабандным перевозкам. Всё это составило финансовое могущество преступной группы. Масштабы её деяний были замечены Петербургом. Николай I распорядился купировать эту "раковую опухоль". Такая цель была поставлена перед новым Морским министром Сарычевым и главным интендантом ведомства Головиным — заслуженными и честными адмиралами. Но они так и не смогли приступить к выполнению приказа императора, так как оба скончались при неясных обстоятельствах. Их смерть крайне озадачила Николая I, решившего направить на Черноморский флот своего любимого флигель-адъютанта, известного морского офицера Александра Казарского с самыми широкими полномочиями. Но тот, добравшись до места, также скоропостижно отошёл в мир иной. После таких подготовительных действий Грейг вышел на объяснения с императором. Он напомнил тому о поддержке, оказанной им при нейтрализации декабристского заговора; адмирал деятельно поучаствовал в разгроме "Южного общества декабристов". После чего перешёл к едва скрытым угрозам, намекая в случае давления на него и его приближённых пойти на создание автономии со столицей в городе Николаеве, с перспективой вообще отделения от России. Заметим, эта угроза не являлась пустым звуком, как может показаться на первый взгляд. За адмиралом и его компанией зримо маячили европейские банкиры, готовые поддержать эту авантюру. Итог: Грейг уходит с Черноморского флота и назначается в Государственный совет с полными гарантиями неприкосновенности, а его подельники убираются восвояси, то есть в Европу. "Джентельменскую" сделку закрепили тем, что крёстным отпрыска доблестного адмирала, переехавшего в столицу, стал сам Николай I. Его сын — император Александр II —

также сполна вкусил олигархической вольницы. Не будет преувеличением сказать, что в годы его царствования казна империи фактически находилась под иностранным контролем. По собственному усмотрению ею распоряжалась троица, осевшая на ключевых правительственных постах. Речь о министре финансов Михаиле Рейтерне, его заместителе Самуиле Грейге и главе Государственного банка Александре Штиглице. В лице Грейга мы встречаем того самого выросшего младенца, которого некогда крестил Николай I. Родная сестра новоиспечённого заместителя министра оказалась замужем за двоюродным братом Штиглица. Именно эти финансисты дружно дирижировали разворовыванием бюджета, выдавая государственные гарантии по облигациям частных железнодорожных обществ. На эту наживку хлынул поток иностранного капитала, обслуживавший главным образом спекулятивный оборот, а не производственную сферу. Благодаря этой троице зарубежные инвестиции превратились не в фактор мобилизации внутреннего денежного рынка, а в инструмент обогащения избранных, с одной стороны, и обирания казначейства — с другой. Прибыли отнюдь не вкладывались в страну, а, как правило, выводились за границу. Только за 1866-1875 годы на иностранных биржах (преимущественно берлинской) было реализовано российских облигаций на 500 млн рублей. От наблюдателей не ускользнул тот факт, что период предпринимательской вакханалии совпадает с укреплением ряда немецких банков и банкирских домов. Например, в 1870-х годах на тесном сотрудничестве с российскими чиновниками и олигархией поднялся один из крупнейших в Германии — "Дойче Банк". Как же к этому относился Александр II? Судя по внешним признакам, он мирился с таким положением дел. Очевидцы свидетельствуют: сам император находил вполне естественным, что близкие к нему люди обогащались с помощью разных концессий и афер — если не они, так другие, почему же не те, к кому он благоволил? Хотя иногда государь пытался, что называется, взбрыкнуть. Например, он резко реагировал на цифры о выявленных убытках, нанесённых семьёй Штиглицев казне: они превысили все мыслимые пределы. Однако назначенный министром финансов — вместо Рейтерна — Самуил Грейг "мягко" озвучил Александру II ультиматум: в случае отдачи Штиглица под суд все европейские банки откажут России в займах. Но испить горькую чашу до дна выпало на долю Николая II. Завершающий этап его правления являет собой классический образец олигархического реванша, проходившего под знамёнами фирмы "Братья Нобель". Этот сюжет до сих пор находится вне поля зрения, поскольку в 1990-е имя Нобелей стало своего рода символом либеральной России. Нам с упоением рассказывали, как они построили самую крупную и эффективную компанию в стране. Однако развитие "Нобелей" происходило рука об руку с Ротшильдами и "Шелл": вместе они

манипулировали ценами на топливо, захватывали инфраструктуру. Страна превратилась для них в дойную корову, с помощью которой обустроивалось собственное благополучие в глобальном бизнесе, пренебрегая национальными интересами. Причём откровенное хищничество прикрывалось благотворительностью и гуманитарными проектами. Государство пыталось переломить ситуацию, переформатировать нефтяную отрасль, лишив Нобелей привилегированного положения; это и составило подоплёку разразившегося конфликта. Однако напор властей натолкнулся на серьёзные препятствия. На стороне российских нефтяных олигархов выступили ведущие биржевые площадки Европы, начавшие со своей стороны блокировать действия правительства по урезониванию нобелевских appetитов. К тому же на помощь последним поспешило московское купечество, что весьма симптоматично. Глава семейства Эдвард Нобель учреждает вместе с Александром Гучковым и Александром Конваловым совместные бизнесы. Интерес московских оппозиционеров вполне прагматичен. В случае поражения нефтяного концерна очередь дошла бы и до них, а потому эпопея с Нобелями превращалась в знаковую. Главной ошибкой тогдашней власти следует признать избыточную оглядку на так называемое общественное мнение, несклонное приветствовать административно-силовые методы. Нобели вышли победителями из этой схватки, что оказалось не только их личным триумфом, но и рубежом, за которым последовал распад государства, стремительно погружавшегося в пучину олигархического разгула. Сегодня государственная обстановка также далека от благополучия. Олигархический проект, ставший базовым в 1990-е, очевидно, не сдастся без боя. Но подавляющая часть общества заинтересована в том, чтобы он канул в лету, без чего национальное возрождение неосуществимо. Уроки прошлого не должны быть преданы забвению.